

Паутина жизни

I

Корабль, Эмма, корабль!

Дети с ликующими криками понеслись к берегу. В тихих водах Дыгольфа виднелась барка; над украшенными коврами и шелковыми подушками скамьями высился балдахин с узеньким вымпелом, и казалось, будто какую-то большую, пеструю, чужеземную птицу занесло ветрами к берегам Уэльса.

Эмма старалась удержать детей, но они уже подбежали к незнакомцам. Господин поймал мальчика и, со смехом поднимая его подбородок, чтобы разглядеть лицо, сказал:

— Стой, паренек! Какой ты хорошенький мальчишка! Как тебя зовут?

— Джон... Джон Томас! — торопливо сказал мальчик и стал вырываться, с любопытством поглядывая на барку.

— Джон? — Незнакомец выпустил мальчика и обратился к девочке, которая смотрела на него сквозь спутанные пряди волос.— Ну а тебя как зовут, блондиночка?

Девочка сделала элегантный книксен и сказала:

— Сарра... Меня зовут Сарра Томас! Позволь нам посмотреть корабль!

— Джон! Сарра!.. Вы слышали, мисс Келли? Ведь это — имена моих детей... Когда я видел их в последний раз, они были таких же лет! — обратился незнакомец к своей спутнице.

Та не слышала его; она смотрела на Эмму, которая подошла поближе, и наконец вполголоса произнесла:

— Вы только посмотрите, Ромни, на эту деревенскую девушку! Приходилось ли вам видеть когда-нибудь более очаровательное существо?

Ромни посмотрел на Эмму, и вдруг его взор загорелся восторгом.

— Геба! — с восхищением воскликнул он.— Геба, подающая олимпийским богам напиток вечной юности! Вы правы, мисс Келли, она восхитительна. Она отодвигает в тень всех наших знаменитых

красавиц, даже вас самих, Арабелла, даже вас!

Мисс Келли улыбнулась.

— Вы знаете, Ромни, я охотно отказываюсь от диплома на красоту, если за мной признают кое-какой ум,— сказала она и кивнула головой Эмме: — Да подойдите же поближе, детка, и дайте посмотреть на вас. Знаете ли, ведь это просто удовольствие! Или вы еще не знаете, что способны вскружить голову самому взыскательному мужчине?

Мисс Келли попыталась привлечь девушку к себе, но Эмма уперлась. Густой румянец выступил на ее щеках. Пылающий взгляд незнакомца угнетал ее; так и казалось, что этот взгляд расстегивает ее платье, обнажает ее тело и ощупывает ее формы. Она пугливо вырвалась из рук Ромни и крикнула:

— Оставьте меня!.. Я незнакома с вами и не желаю с вами разговаривать!.. Пойдемте, дети!

Незнакомец добродушно рассмеялся:

— Горе нам, Арабелла! Мы попали со своим восторгом на герцогиню. Ее высочество немилостиво отвергает нас!

Мисс Келли тоже рассмеялась и сказала с некоторой язвительностью:

— Ну какая там герцогиня, друг мой! Герцогиня выказала бы больше ума.

Эмма резко обернулась и, глядя ей прямо в лицо, воскликнула:

— Но добавьте еще, что с герцогиней вы не осмелились бы заговорить таким образом. Ну а этот господин не осмеливался бы глядеть на герцогинь так, как он смотрел на меня.

Незнакомцы обменялись быстрыми взглядами, затем мисс Келли бросилась к Эмме.

— У вас имеются и ум и чувство, дитя мое! — мягко и льстиво сказала она.— Мы не хотели обидеть вас. Только,— шутливо прибавила она,— если вы думаете, что этот господин не осмеливается глядеть так на герцогинь, как он глядел на вас, то вы жестоко ошибаетесь. Мистер Джордж Ромни — один из знаменитейших художников Англии, и любая аристократка считает себя счастливой, если он увековечит ее своей рукой... Теперь вы понимаете, почему он смотрел на вас так?

— И может быть, теперь вы позволите зарисовать вас в эту тетрадь, в которую попадает далеко не всякая герцогиня? — прибавил Ромни, последовавший за мисс Келли.

Эмма не могла противостоять этому искушению и позволила мисс Келли повести ее на ближний холм и там распустить ей волосы. При этом у незнакомки вырвался крик восхищения: золотистым каскадом хлынули эти волосы по плечам и спине, образуя сверкающую мантию, низ которой касался земли.

Но, когда мисс Келли захотела расстегнуть ей платье на груди, Эмма решительно воспротивилась. Все просьбы были напрасны; даже три фунта, которые предлагал ей художник, не могли соблазнить ее. Голову, плечи, руки и кусочек шеи он мог созерцать, но больше ничего. И в то время как Ромни поспешными штрихами зарисовывал Эмму, она стояла неподвижно, с затаенным дыханием, прислушиваясь, как он и его спутница хвалили ее красоту.

При этом они употребляли такие слова, которых Эмма не понимала. Голубыми звездами были ее глаза, красными рубинами — ее губы, нежными розами — щеки. У нее — фигура Гебы, профиль Дианы, руки Венеры. Блеск невыразимой грации окружает все ее существо. Она являет собой картину совершеннейшей юности, более совершенной, чем мог бы видеть художник в самых дерзновенных грезах.

Сладкое опьянение овладело Эммой. Разве не мечтала она еще ребенком, что когда-нибудь будет красивой, сказочно красивой?.. Но таких речей она еще никогда не слыхала. Правда, Том Кидд говаривал ей почти то же самое, но ведь он был невежественным батраком у рыбака и никогда не уезжал из Дыгольфа! К тому же он любил ее... И Эмма не верила ему. Ну а эти незнакомцы должны знать толк в красоте!

Когда художник кончил рисовать, она со вздохом съежилась. Ромни нарисовал ее в четырех различных видах, и, когда мисс Келли принесла альбом и стала показывать его Эмме, последняя долгим взором уставилась на рисунок.

— И это — я? — сказала она наконец.— Это неправда! Это невозможно! Я вовсе не так красива!

Мисс Келли расхохоталась и обернулась к художнику:

— Слышите, что она говорит, Ромни? Она не хочет верить, что это она!

Ромни стоял погруженный в мрачные думы. Казалось, что он сразу постарел.

— Она права, это не она,— глухо сказал он.— Она бесконечно красивее. Я просто жалкий мазила, ничтожество. Гейнсборо[1],

Рейнолдс[2] нарисовали бы ее в тысячу раз красивее... Дай сюда тетрадь, Арабелла! — закричал он с внезапной горячностью.— Разорвать ее, сжечь, затоптать в землю!.. Пусть будет проклято все современное искусство! Довольно! Больше я никогда не возьмусь за кисть!

Он хотел схватить альбом, но мисс Келли спрятала его у себя в платье. Тогда Ромни бросился на землю и закрыл лицо руками; его плечи вздрагивали.

По лицу мисс Келли скользнула полусострадательная, полужесточкая улыбка.

— Опять творческие причуды, милый друг? Да перестаньте же вы наконец кричать о Гейнсборо и Рейнолдсе! Лучше бы они нарисовали ее или нет, это совершенно безразлично. Ромни нарисовал, как должен был нарисовать Ромни. Гейнсборо — нечто, Рейнолдс — нечто, но и Ромни — тоже нечто, и для Англии, как и для всего искусства вообще, только счастье, что все трое неодинаковы и неодинаково рисуют. Вставляйте же, большое старое дитя, и не пугайте более нашей Гебы!

Несмотря на свои сорок четыре года, Ромни действительно казался ребенком. Он послушно встал, и сквозь мрачные облака, сгустившиеся вокруг его чела, снова проглянул солнечный луч.

— В самом деле, сепией[3] не передашь этого удивительного телесного тона,— пробормотал он.— Этого можно достигнуть только маслом. Ее следовало бы нарисовать в двадцати, в тридцати видах. Заметили вы, Арабелла, как у нее все время менялось выражение лица?

— Если бы я была актрисой, я взяла бы ее к себе в ученицы,— сказала мисс Келли.— В этой головке должны роиться своеобразные мысли. А ведь ей не более восемнадцати лет!

Эмма невольно рассмеялась:

— Мне нет еще четырнадцати!

— Четырнадцати? — воскликнула Арабелла, окидывая фигуру Эммы странным взглядом.— Только четырнадцать, и уже женщина? Дитя мое, в ваших жилах должна течь горячая кровь! Кто ваша мать? Эти дети — неродные вам?

Эмма побледнела. Чего еще нужно этой знатной даме? К чему она спрашивает? Чтобы заполнить чем-нибудь скуку лишнего часа? Чтобы насладиться чужим несчастьем? Ведь у этой дамы есть все, что только желает ее сердце! Она богата и счастлива!.. А вот она, Эмма...

Хорошо же, она ответит! Словно обвинение, бросит она в лицо этим назойливым людям свою нищету! По крайней мере, она хотя бы облегчит душу.

* * *

Ее звали Эмма Лайон. Ее отец был дровосеком. Однажды в горах Уэльса его придавило деревом. Его похоронили, а вдову выгнали из хижины. Долой в морозную ночь! Ступай босыми ногами по острым скалам!..

Они пришли в Гаварден, где у них были состоятельные родственники. Мать надеялась, что теперь кончатся ее бедствия, ведь среди родственников была и родная мать. Но родина черство встретила их. Бабушка сама была бедна, состоятельные родственники не отличались отзывчивостью. И мать Эммы должна была радоваться, когда ей удалось поступить прислугой к фермеру.

Эмме рано пришлось познакомиться с нуждой. Ей не было еще и шести лет, когда ее заставили пасти овец. Пес Блэк был ее единственным спутником, кузен Том Кидд — единственным товарищем. И все же она не была несчастной в то время. Она забывалась в пышных грезах, в которых видела себя богатой и знатной. Разодетая в золотые платья, она подъезжала в стеклянной карете, чтобы увезти в свой замок немногих любимых ею людей.

И вот однажды пришла весть, что дальний родственник матери Эммы умер, оставив ей в наследство значительную сумму денег. Теперь все наперебой стали заискивать перед той самой женщиной, к которой еще накануне относились с пренебрежением. Фермер повысил ее из прислуги в домоправительницы; самый уважаемый купец города уговорил ее вложить деньги под высокие проценты к нему в предприятие; миссис Беркер, директриса пансиона для благородных девиц, приняла Эмму в число своих учениц.

Через год купец обанкротился, мать разорилась, и Эмма была уволена из пансиона при язвительном хохоте высокороденных сотоварок.

Ей пришлось поступить в няньки, а ведь у миссис Беркер она предавалась новым мечтам. Теперь грезы звали ее в большой, неизвестный мир, где много-много красоты и великолепия. Но для этого надо было приобрести знания, и Эмма училась, напрягая все свои силы.

Однако и эта мечта теперь рассеялась как дым.

Люди преклоняются только перед деньгами! Пред богатым все открыто, пред бедным же все закрывается! Быть бедным — значит быть презираемым! Такова жизнь...

* * *

Эмма высказала все это далеко не в ясных выражениях. Но ее жесты, мимика, хриплый голос — все выдавало горечь, которой переполнил девушку опыт ее юной жизни.

Мисс Келли нежно привлекла ее к себе и ласково погладила по голове.

— Бедный ребенок! Как рано вам пришлось испытать тяжесть житейских обстоятельств! Но для вас еще настанут лучшие времена. Раз девушка так красива...

— Какой прок для меня в красоте? — мрачно возразила Эмма.— Здесь никто не понимает красоты. Все меня презирают. А я — я знаю это! — я умру в нищете и...

— Вы чересчур скоропалительны, милая! — перебила девушку, улыбнувшись, мисс Келли.— Разве можно заранее знать, что станет из человека? Посмотрите на меня! Я не знаю, где родилась и кто были мои родители. Я выросла в ярмарочном балагане и еще в шестнадцать лет не умела ни читать, ни писать. А теперь!.. теперь у меня есть дом в Лондоне, имение в Ирландии и капитал в Лондонском банке. Весь Лондон знает меня. Женщины завидуют мне и подкупают моих портних, чтобы получить модель моего платья. Мужчины бегают за мной и разоряются за одну мою улыбку. А один из них... один... когда-нибудь он станет королем Англии, императором Индии и могущественнейшим государем Земли — люди называют его «джентльменом Джорджем»^[4], ну а меня он любит, и потому он — мой раб. «Маленький толстячок ты мой!» — называю его я.

— Арабелла! — сердито крикнул Ромни.— Как вы осмеливаетесь?..

Мисс Келли передернула плечами.

— Мизантроп! Крошка сделает в Лондоне блестящую карьеру.

— Вы хотите испортить ее?

— Испортить? Ха!.. Кроме того, вы не понимаете собственной выгоды, милый друг. Если я приеду с этой девушкой в Лондон, то вы получите возможность нарисовать ее в двадцати—тридцати видах. Ведь

вы только что хотели этого?

В глазах художника блеснул жадный огонек.

— Вы правы! С нею я побью Гейнсборо и всех других...— Ромни вдруг остановился и сказал после короткого раздумья, обращаясь к Эмме Лайон: — Не слушайте этой искусительницы, дитя мое! Оставайтесь здесь, у своей матушки. Здесь вы...

Мисс Келли перебила его невольным движением руки:

— Избавьте нас от ваших тирад, Ромни! Поговорим лучше о делах. Что вы дадите мисс Лайон за сеанс? Пять фунтов?

— Пять фунтов, и гарантирую сто сеансов! — ответил художник, опять увлеченный красотой Эммы.

— Ну а я,— сказала мисс Келли девушке,— я приглашаю вас в качестве компаньонки с месячным содержанием в десять фунтов. Что вы скажете на это? Вы согласны?

Эмма растерянно оглянулась по сторонам. Новое, ворвавшееся в ее жизнь, сбивало ее с толку.

— Я не знаю...— пробормотала она.— Конечно, это было бы большим счастьем для меня, но...

— Вы говорите «но»? Или вам недостаточно того, что вам предложили? Какое княжеское содержание получаете вы в качестве няньки?

— Четыре фунта в год.

— И вы еще колеблетесь? Да в вашем возрасте я продала бы черту душу и тело на тех условиях, которые мы предлагаем вам!

— Моя мать... она любит меня... Если я покину ее...

— Ваша матушка будет только рада, что вы будете избавлены от нищеты. Ромни, дайте мне карандаш: я запишу мисс Лайон свой адрес.

Мисс Келли вырвала из этюдного альбома кусок бумаги и твердым почерком написала: «Мисс Келли, Лондон, Арлингтон-стрит, 14», а затем внизу прибавила: «6 мая 1779 года».

Затем, подавая Эмме этот листок, она прибавила:

— Ну, так до свидания в Лондоне!

Она взяла Ромни под руку и, кивнув Эмме головой, пошла к барке. Ромни обернулся и, кивнув девушке в свою очередь, сказал с печальным, усталым видом:

— Я не говорю вам «до свиданья», мисс Лайон. Для вас везде будет лучше, чем в Лондоне!

Эмма безмолвно смотрела им вслед. Вдруг мисс Келли резко высвободила свою руку и вернулась обратно. Ее глаза неистово сверкали, осматривая всю фигуру девушки, огненно-красной полоской горели полуоткрытые губы на бледном лице.

— Я не могу расстаться с тобой так, девушка! — прошептала она, тяжело дыша.— Ты красива... красива... а я... Вокруг меня много мужчин; они льстят мне и покорно повинуются. Но я ненавижу их, они мне отвратительны. Никого из них я не люблю, никого! Я так одинока, так одинока!.. Но если ты придешь ко мне, мы будем как сестры... я на руках буду носить тебя, буду любить тебя... любить!..

Ее голос прервался рыданием, и она прижалась к Эмме, как бы ища опоры. И вдруг наклонилась и, словно обезумев, несколько раз с жадной страстью поцеловала Эмму прямо в губы. Затем, рассмеявшись коротким, странным смехом, вернулась обратно.

Гребцы взмахнули веслами, и лодка плавно двинулась в морскую гладь.

Эмма стояла словно оглушенная. Чудо свершилось. Внезапно открылось пред ней будущее... Лондон!.. Счастье!..

Детские голоса заставили ее очнуться. Она кинула еще один взгляд на море. Барка исчезла.

Молча повела Эмма детей домой.

II

Всю ночь Эмма не могла заснуть. Завтра все должно было решиться. Завтра у нее был отпускной день. В Гавардене открывался еженедельный базар, и Эмма каждую неделю ездила туда, чтобы повидаться с матерью, торговавшей на рынке фруктами и птицей с фермы своего хозяина. И тогда у Эммы с матерью было два счастливых часочка. Они разговаривали, смотрели друг другу в глаза, пожимали руки; они любили друг друга и были счастливы своей близостью. В эти минуты они чувствовали себя не такими уж одинокими и потерянными в большом, холодном мире.

«Впрочем, говорить ли маме о случившемся? — подумала Эмма.— Ведь разлука растерзает ее сердце».

Эмма нетерпеливо дожидалась солнечного восхода и, когда вместе с первыми лучами солнца стала одеваться, все еще была в полной

нерешительности, не зная, как ей поступить.

Одевшись, Эмма передала детей старой служанке и вышла во двор, где ее уже поджидал старик садовник с тележкой.

Когда тележка подъехала к постоялому двору, где постоянно останавливался садовник, из дверей вышел Том Кидд. Он всегда поджидал здесь Эмму, когда она приезжала в Гаварден. Только здесь они и могли свободно видеться. Эмма боялась людских пересудов и не позволяла Тому подходить к ней в то время, когда она гуляла с детьми. Но в городе ему было разрешено подходить к ней. При этом он всегда приносил что-нибудь Эмме — маленькую брошку, шелковую ленту, пару пестрых перьев. Несмотря на близкое родство, он обращался с ней с преувеличенной вежливостью, особенно с тех пор, как Эмма побывала в пансионе миссис Беркер.

Том помог Эмме выйти из тележки и пошел с ней к базарной площади. На нем было надето его лучшее платье, выгодно подчеркивавшее его статность и мужественную красоту.

— Я освободился на сегодня, мисс Эмма,— сказал он с чистосердечной улыбкой.— Славный денек для меня!

— А что такое, Том? — спросила Эмма, ласково взглянув на парня.— Сегодня день твоего рождения?

— В день моего рождения не было бы ничего особенного. Нет, кое-что несравненно более прекрасное! — И он потряс в кармане золотыми монетами.

— Уж не собираешься ли ты танцевать сегодня вечером под майским деревом?

Он покачал головой, улыбаясь, посмотрел на свою спутницу, после чего медленно и торжественно вытащил руку из кармана и протянул ее открытой ладонью к Эмме. На ладони лежала изрядная сумма денег.

Эмма с удивлением посмотрела на него.

— Так много! Как это тебя угораздило, Том? Ведь рыбачеством столько не накопишь!

— Уж это сушая правда, мисс Эмма; сетями этого не выловишь; но деньги все же заработаны честным трудом. Мне не следовало бы говорить об этом, но вы никому не расскажете. Богатые купцы Честера и Ливерпуля очень любят, когда голландские и французские господа являются со своими бригами, нагруженными всякими товарами, на которых не припечатан свинцовый портрет короля Георга.

— Контрабанда? — испуганно вырвалось у Эммы.— Бога ради, Том, уж не сделался ли ты контрабандистом?

— Бояться нечего, мисс Эмма,— ответил молодой человек самодовольным кивком головы.— Это вовсе не опасно. Ну и получаешь кое-какие острые ощущения... Удовольствие плюс хороший заработок...

— Да, ты кое-что переживаешь,— глухо ответила Эмма.— Ну а я... Она резко оборвала речь и пошла дальше.

— Вот потому-то я и называю сегодняшний день счастливым, мисс Эмма,— продолжал Том, догнав девушку и идя с нею рядом.— У меня достаточно денег, чтобы можно было поговорить с вами относительно миссис Беркер.

— Не называй мне этого имени! — крикнула Эмма, сильно побледнев.— Я никогда не забуду того, что мне пришлось испытать в ее пансионе. Уже когда я поступила туда, я заметила, что все эти дочери лордов и баронов отнеслись ко мне с презрением. Но если они были высокомерны, то я была горда. Я хотела возвыситься над ними знаниями и училась день и ночь... И мне уже начинало удаваться это, они уже завидовали мне... Как вдруг... О, когда меня выгоняли, а они смеялись мне вслед!..— Она замолчала, скрипнув зубами от бешенства.

— Стоит ли до сих пор раздражаться из-за этого? — мягко сказал Том.— Я все время думал об этом и решил прикопить денег, чтобы вы могли снова раскрыть дверь желанного заведения. Ну вот... Теперь вы придете туда и сядете на свое место: я, дескать, здесь, и здесь я и останусь!

— И ради этого ты копил, Том, ради этого подвергал себя опасности? — крикнула Эмма, схватив юношу за руку и сильно сжимая ее. Но вдруг выражение торжества на ее лице померкло, и она упавшим голосом спросила: — А сколько ты скопил, Том? Ведь у миссис Беркер очень дорого!

— Здесь целых десять фунтов! — ответил он с успокоительной улыбкой.

Эмма вздрогнула, ее рука невольно выскользнула из руки Тома.

— Мать ежемесячно платила за меня восемь фунтов, не считая платьев...

— Восемь фунтов? Ежемесячно? — повторил он, глядя на девушку пораженным взглядом.— Ну что же, Эмма... Эти десять фунтов —

только начало... Пока они израсходуются, я заработаю другие...

— А если тебя накроют?.. Нет, Том!.. Ты очень добр ко мне, и я от всего сердца благодарна тебе. Но если с тобой случится что-нибудь и мне придется снова подвергнуться позору... Да и не могу я брать на себя такую ответственность за то, что ты делаешь. Поэтому прошу тебя, Том, предоставь мне самой найти себе дорогу. Я понимаю, что мои слова причиняют тебе боль, но я не могу иначе. Так не думай же обо мне больше, Том, и поищи себе счастье в другом месте!

Она кивнула ему головой и быстро нырнула в сутолоку базара, направляясь к лавочке, где торговала ее мать.

* * *

Мать страшно обрадовалась Эмме и принялась покрывать ее лицо поцелуями. Но сейчас же вслед за этим она рассыпалась в жалобах. С тех пор как она потеряла свои деньги, ее хозяин с каждым днем все больше придирался к ней. Что бы она ни сделала, все приходилось ему не по нраву. Он обзывал ее лентяйкой, не оправдывающей хлеба, который ей дают из милосердия.

Эмма молча слушала жалобы матери. Она видела, как седели волосы матери на висках и как глубоко западали складки забот и огорчений на лбу и щеках. Конец этому бедствию, конец!

Воспользовавшись минуткой, когда покупатели не мешали им, она рассказала матери все.

— Если я поступлю к мисс Келли,— взволнованно закончила она,— тебе уже больше не придется заботиться обо мне. Я надеюсь даже, что буду в состоянии посылать тебе деньги и ты сможешь отделаться от своего хозяина.

Мать сильно перепугалась:

— Мисс Келли? Да ведь ты даже не знаешь ее! Как можешь ты доверять ей? Важные дамы капризны: сегодня они разоденут тебя в шелк и бархат, а завтра выгонят на улицу, если другая понравится им больше.

Эмма улыбнулась:

— Тогда я отправлюсь к мистеру Ромни. Он хочет рисовать меня и за каждый отдельный сеанс предлагает мне больше, чем я зарабатываю теперь в целый год. Ему все понравилось во мне. Он хочет сделать меня знаменитой... знаменитой, мама.

— Знаменитой!.. Вот оно что! С тех пор как ты побывала у миссис Беркер, ты только об этом и думаешь. Только знаешь ли ты, что значит быть знаменитой моделью? Конечно, мужчины будут отлично знать тебя; они будут знать все твои прелести! Голой и бесстыдной предстанешь ты пред ними. А при встрече они будут показывать на тебя пальцами и говорить: «Вот Эмма Лайон, самая красивая девка в Лондоне».

— Мама!

— Да, да, девка! Ведь модель можно купить! Каждый сможет купить тебя за несколько фунтов. Но это продлится, лишь пока ты молода и красива, а затем о тебе никто не позаботится, и ты очутишься на улице... Неужели я для того родила тебя в страданиях? Неужели я для этого вырастила тебя?

Мать закрыла лицо руками и разразилась рыданиями.

Эмма мрачно потупилась и молчала. Наконец она воскликнула:

— Перестань плакать, мама! Если это так огорчает тебя, то я попытаюсь вести ту жизнь, что и до сих пор. Но долго ли еще я буду в силах выносить ее?

Она отвернулась, чтобы украдкой утереть набежавшие слезы, и вдруг вздрогнула... Боже! кто идет сюда узким проходом между лавками!

* * *

В воспоминаниях Эммы ожил день, когда она только что поступила к миссис Беркер. До ужаса ясно стояла пред ее глазами вся картина, и ей казалось, будто она слышит слова, которые вонзались ей в сердце как удары кинжала.

Джейн Миддлтон, сестра знаменитого лорда, внезапно обратилась к ней с вопросом:

— Мисс Лайон, скажите же нам, кем был ваш высокоуважаемый батюшка?

Анна Грей, племянница баронета, в ответ на это стала напевать на мелодию старой народной песенки следующее:

Наш мистер Лайон в Норуэльсе —
Высокородный... дровосек!

Тогда Джейн Мидлтон продолжала:
— Ну а скажите, мисс Лайон, кто ваша высокочтимая матушка?
На это Анна Грей пропела:

Блистательная миссис Лайон
Была коровницей в хлеву!

И снова Джейн Мидлтон:
— Мисс Лайон, в каком горделивом замке родились вы?
А Анна Грей:

В коровьем замке под забором
Мамаша дочку родила!

Затем с глубоким поклоном обе девушки представили новенькую остальным в следующих выражениях:

— Милостивые государыни, позвольте представить вам новую подругу и товарку, красавицу пастушку из Гавардена, дочь дровосека и коровницы, родившуюся под забором!

Сколько бы ни прожила Эмма, никогда не забудет она этих минут...

* * *

И вот эти-то гордые насмешницы из пансиона и шли теперь узким проходом между лавками: Джейн Мидлтон — маленькая, изящная, с резко очерченным профилем, с гордо сверкавшими глазами, и Анна Грей — высокая, пышная, белокурая, с головою куклы в локонах. Их сопровождал жених Джейн, лорд Галифакс: высокий худой мужчина с ничего не выражающим лицом. Они шли, смеясь и болтая, не обращая внимания на народ, почтительно дававший им дорогу.

Вдруг Эмма заметила, что взор Джейн остановился на ней. Сейчас же вслед за этим мисс Мидлтон остановилась около лавки матери Эммы.

— Вот что мне пришло в голову, Анна,— обратилась она к подруге.
— Не принести ли нам чего-нибудь миссис Беркер? Например, индюка. У вас есть деньги с собой, Август?

Лорд Галифакс с надменным удивлением пожал плечами.

— Конечно, нет, дорогая Джейн! Для этого я держу управляющего.

Но, несмотря на это, мы можем купить все что хотим! — Он посмотрел застывшими глазами на мать Эммы и спросил: — Знаешь ли ты меня, добрая женщина?

— Как же мне не знать вашей милости? Ведь мой хозяин, мистер Блосс,— фермер у вашей милости.

— Блосс? Фермер? — Галифакс кинул эти слова на ветер, словно не расслышал их хорошенько.— Так вот, добрая женщина... эти дамы... хотят купить индюка... Выбрать лучшего!.. Деньги получишь от управляющего... Индюка взять сейчас и отнести вслед за дамами к миссис Беркер!.. Поняли?

— Поняла, ваша милость. Только ваша милость простит мне, я не могу оставить лавку... Если милорд разрешит, я кликну одного из мальчишек.

Миссис Лайон хотела позвать одного из мальчиков, но Джейн удержала ее:

— Этого вовсе не нужно, добрая женщина. Ведь эта девушка отлично может отнести индюка.— И, обращая злобный взор на Эмму, Джейн приказала: — Бери клетку и ступай за нами!

Эмма съежилась, словно под грозящим ударом, и смертельно побледнела.

— Мисс Миддлтон! — хрипло сказала она.— Если вы решитесь на это... Мисс Грей, умоляю вас, не допускайте этого!

Анна Грей отвернулась от нее, пожав плечами. Джейн Миддлтон с лицемерным удивлением посмотрела на Эмму в лорнет:

— Что с девушкой? Не больна ли она?

Когда мать Эммы услышала имена обеих барышень, она поняла все.

— Мисс Миддлтон,— сказала она дрожащим голосом,— вы не должны без нужды унижать свою былую подругу. Незаслуженное несчастье должно найти участие даже у богатых и знатных!

Джейн покраснела и хотела ответить старухе резкостью, но тут вмешался лорд Галифакс.

— Да ты с ума сошла, женщина! — крикнул он.— Мой управляющий поговорит с фермером, чтобы тот лучше выбирал своих людей. Ну, понесешь ты теперь клетку?

— Конечно, милорд! Если я откажусь выполнить приказание вашей милости, меня прогонят с места! — И, взяв в руки клетку с индюком, мать Эммы сказала последней: — Подожди меня здесь!

Эмма резко рассмеялась и взяла у матери из рук клетку:

— Полно, мать! Разве ты не видишь, чего хочет мисс Мидльтон? Эмма Лайон, красавица пастушка, дочь дровосека и коровницы, рожденная под забором, должна смиренно предстать в качестве прислуги пред своими товарками! — Она низко поклонилась и язвительно сказала: — Прошу, барышни, идите вперед! Я следую за вами...

* * *

На дворе пансиона Джейн велела Эмме подождать и пошла с Анной Грей и Галифаксом в дом. Со всех сторон на двор устремились пансионерки; они окружили Эмму, смотрели на нее, злорадно смеялись и бросали ей насмешливые вопросы.

Она не отвечала ни слова, и ни одна гримаса не исказила ее лица. Словно воровка у позорного столба, стояла она у дверей дома, который был целью ее пламенных мечтаний.

Джейн Мидльтон вернулась с горничной.

— Возьми у нее индюка, Мэри! — приказала она и обратилась к Эмме: — Как тебя зовут, девушка?

Эмма молча смотрела на Джейн.

— Но, мисс Джейн, ведь вы знаете ее! — удивленно воскликнула Мэри.— Ведь это Эмма Лайон, наша красавица Эмма Лайон!

Хор смеющихся насмешливых голосов подхватил:

— Эмма Лайон! Красавица Эмма Лайон!

Джейн Мидльтон достала из кошелька шиллинг и сказала:

— Протяни руку, Эмма Лайон! Я подарю тебе денег, чтобы ты могла купить себе более приличное платье.

Эмма с прежним оцепенелым спокойствием протянула руку и взяла монету. Тогда Джейн указала ей на ворота и сказала:

— Можешь идти, Эмма Лайон!

Эмма медленно вышла на улицу. Монета жгла ей руку. Словно гигантская стена, вздымающаяся к небу, в душе девушки вырастала смертельная ненависть.

* * *

В конце улицы ей попался навстречу Том. Когда она увидела его, ее

лицо просветлело.

— Час тому назад ты предлагал мне денег, Том, чтобы я снова могла поступить к миссис Беркер. Теперь это невозможно. Но все-таки не одолжишь ли ты мне эти деньги? Только знай: может быть, ты никогда не получишь их обратно.

Том поспешно сунул руку в карман.

Эмма удержала его:

— Пстой! Я не хочу, чтобы ты остался в неведении. Меня только что смертельно оскорбили, словно воровку, лишь за то, что я бедна и низкого происхождения. Богатые могут безнаказанно делать все, что захотят. Поэтому я тоже хочу стать богатой и знатной. И тогда я воздам этой Мидльтон за оскорбление!

— Что вы хотите сделать, мисс Эмма? — испуганно спросил Том.— Не лучше ли было бы вам сначала посоветоваться с матушкой?

— Мать так же бессильна, как и я. Нет, это решено: я уезжаю в Лондон. Я или вернусь обратно, знатная и богатая, как Джейн, или погибну там... Ты одолжишь мне деньги, Том?

Юноша видел, что ее решение твердо, и со вздохом вручил ей деньги.

Эмма бережно спрятала их.

— Я никогда не забуду тебе этого, Том. А теперь простимся. Не сердись на меня и люби меня немножко!

Она посмотрела на его несчастное, вздрагивающее лицо и нежно провела по нему рукой, а затем ушла.

III

Арлингтон-стрит, 14...

Швейцар сообщил Эмме, что мисс Келли нет в Лондоне; сейчас же после своего возвращения из Уэльса она отправилась с мистером Ромни в Париж. Когда она вернется, было неизвестно, но, наверное, она придет к эпсомским скачкам, которые начинаются пятнадцатого августа.

Эмма снова вышла на улицу и погрузилась в людской поток, идя без цели куда глаза глядят. Ее не пугало, что мисс Келли не оказалось в Лондоне; она заранее готовилась к самым невероятным затруднениям и препятствиям, так могла ли испугать ее такая маленькая шероховатость? Самое большее, если ей придется до возвращения мисс Келли поступить куда-нибудь прислугой.

Толкотня на улицах тоже не пугала Эмму. Тишина Гавардена всегда угнетала ее, здесь же, в этом кипящем Лондоне, она чувствовала себя в своей стихии.

Девушка шла, весело напевая какую-то песенку и поглядывая по сторонам. Перед одной из витрин она остановилась; там были выставлены дамские платья из легких белых и цветных материй, индийские шали, затканые золотом и серебром накидки, шляпы с реющими над ними страусовыми перьями. Эмма не знала названий и ценности выставленных предметов роскоши, но ее поразила их красота. Кроме того, посредине витрины красовалось большое зеркало, отражавшее всю ее фигуру.

В первый раз Эмме довелось увидеть себя с ног до головы. Зорко, беспристрастно она оглядела себя со всех сторон и нашла, что сама она красива, но ее крестьянское платье ужасно. Ввиду этого она решила, что первое, что она должна приобрести себе, это приличное платье: ведь для нее это было тем же, что для рыцаря меч, для рыбака парус.

Она подсчитала свои деньги, увидела, что у нее имеется еще семь фунтов, и, быстро решившись, вошла в магазин.

Навстречу ей выступил молодой человек.

— Владелец здесь? — спросила Эмма. — Я хотела бы поговорить с ним.

Молодой человек указал на пожилую даму, разговаривавшую в

глубине магазина с другой дамой, и прибавил:

— Магазин принадлежит госпоже Болье. Вам по какому делу?

Эмма смерила его холодным взглядом и прошла мимо, не отвечая.

— Простите, мэм, не могу ли я купить у вас элегантное платье за два-три фунта? — обратилась она к хозяйке магазина.

Госпожа Болье улыбнулась.

— Здесь, на Флит-стрит, платья стоят много, много дороже! — ласково сказала она с иностранным акцентом.— Дешевые вещи вы можете купить на Друммонд-стрит или на Сюррейской набережной.

— В первый раз слышу эти названия,— ответила Эмма.— Я только вчера приехала в Лондон. Ну а сколько стоит платье, которое висит в витрине рядом с зеркалом?

— Восемь фунтов, дитя мое.

— Это для меня слишком дорого! У меня всех денег только семь фунтов, и я не знаю, заработаю ли я что-нибудь в ближайшем будущем. Когда у меня будет такая сумма, я приду опять.— Она повернулась, чтобы уйти. Но вдруг ей пришла в голову неожиданная мысль: — Не разрешите ли вы, по крайней мере, примерить это платье?

Госпожа Болье весело засмеялась.

— Вы слышите, миссис Кен? — обратилась она к даме, с которой разговаривала до этого.— Эта маленькая деревенская невинность захотела хоть разочек надеть мое самое лучшее платье!

Миссис Кен подошла поближе, с любопытством рассматривая Эмму.

— Разве вы так тщеславны, дитя мое?

— Не тщеславнее других, мэм! — спокойно ответила Эмма.— Просто я приехала в чужой мне Лондон, чтобы поступить на службу к знатной даме. По несчастью, она уехала в Париж и вернется только в августе. Я должна как-нибудь просуществовать до ее возвращения.

— И для этого вам нужно красивое платье? Вы еще очень молоды, дитя мое... так молоды, что мне не хотелось бы предположить...

Эмма высоко подняла голову, и ее глаза гордо сверкнули.

— Прошу вас, не продолжайте, мэм! Я подумала, не понадобится ли здесь молодая девушка, которая достаточно красива, чтобы показать покупательницам туалеты в выгодном свете. Вот потому-то я и хотела надеть при вас это платье.

Дамы удивленно переглянулись.

— Ваше лицо достаточно красиво для этого,— сказала затем

госпожа Болье,— но для такого занятия, какое вы желаете, одного лица мало: надо иметь еще и безукоризненную фигуру.

— Я знаю, мэм. Фигура у меня безукоризненна! По крайней мере, так сказал мистер Ромни.

— Ромни? — почти вскрикнули обе дамы.— Художник Ромни?

— Он хочет рисовать меня и предложил мне пять фунтов за каждый сеанс.

На лице миссис Кен отразилось недоверие:

— Вы говорите об этом так, как если бы это было пустяками. Почему же вы не идете к нему?

— Мистер Ромни уехал.

— Это неправда! Еще три недели тому назад я виделась с ним.

— Очень возможно, мэм. Но десять дней тому назад он рисовал меня в Дыгольфе, около Гавардена. Когда я перед вами заходила к мисс Келли, швейцар сказал мне, что мистер Ромни уехал с нею в Париж. Мисс Келли присутствовала при том, как мистер Ромни рисовал меня, и пригласила меня к себе в компаньонки. Вот она записала мне здесь свой адрес! — И Эмма спокойно достала листок из этюдной тетради Ромни и подала его мадам.

— Это рука мисс Келли,— сказала миссис Кен, тщательно всмотревшись в почерк.— Я хорошо знаю ее руку: уже немало прошло через мои руки счетов от нее на имя одного джентльмена.

Эмма усмехнулась:

— На имя джентльмена Джорджа? На толстячка?

Миссис Кен изумленно посмотрела на нее.

— Вам известно? — воскликнула она и обратилась к мадам Болье: — Мне кажется, девушка говорит правду. Нельзя ли помочь ей, милая моя?

Мадам Болье пожала плечами и ответила:

— У нас мертвый сезон. Осенью, пожалуй!..

— Когда вернется мисс Келли, ей уже не нужна будет ничья помощь.— Миссис Кен задумчиво посмотрела на Эмму.— Я сама могла бы что-нибудь сделать для вас... но этот ужасный Лондон... ведь человеку не заглянешь в сердце. Кроме того, я не знаю, учились ли вы чему-нибудь и можете ли вы вообще что-нибудь делать.

— Я понимаю ваши сомнения, мэм. На вашем месте я сама призадумалась бы. Но я не лгу! — И Эмма рассказала все свое прошлое,

ничего не скрывая и не смягчая.

Миссис Кен внимательно слушала, ее пытливый взгляд проникал Эмме в самое сердце.

— Ну а ваша матушка? — спросила она затем.— Одобрила она ваш поступок?

— Я не спрашивала ее. Она так удручена несчастьями, что едва ли согласилась бы. Я просто написала ей, что уезжаю в Лондон к мисс Келли. Это на первых порах успокоит ее.

— Ну а в будущем?

— В будущем она будет иметь от меня только хорошие вести.

— А если вам будет скверно?

— Вот тогда тем более!

— Вы очень любите свою мать, дитя мое! — тепло сказала миссис Кен и обратилась к госпоже Болье: — А что, милая моя, если бы мы проверили, был ли мистер Ромни прав, когда объявил эту мужественную девушку совершенной красавицей? Не примерить ли ей платья с вашей витрины?

— С удовольствием, миссис Кен, если вы этого хотите. К сожалению, я все-таки не могу предложить мисс Лайон место у себя.

— Уж там посмотрим!

Платье принесли, и Эмма надела его. Обе дамы внимательно осмотрели девушку.

— Может быть, все-таки удастся устроить вас у меня,— сказала мадам Болье.— Я уволю одну из приказчиц и возьму вас на ее место.

— Простите, мэм...— покраснев, сказала Эмма.— Вы очень любезны... но я не хотела бы занять чужое место.

— Ваш образ мыслей делает вам честь, дитя мое,— ласково сказала миссис Кен,— и все это дает нелишнее основание сделать вам иное предложение. Мой муж, мистер Кен,— один из лучших ювелиров Лондона. Среди наших покупателей имеются представители высшей аристократии. Не желаете ли поступить к нам? Вы будете принимать покупателей и с течением времени приобретете нужные сведения, чтобы стать продавщицей. Относительно условий мы уж столкнемся с вами. Вы согласны?.. Но в таком случае что же вы делаете? Зачем вы снимаете с себя это платье? Ведь я же говорила вам, что у нас бывает самое высшее общество, а следовательно, вы должны всегда быть элегантно одетой. Оставайтесь в этом платье, а мадам Болье даст нам

еще ряд мелочей, необходимых для укомплектования вашего туалета. Потом при случае мы посчитаемся. Ну, одевайтесь! Мистер Кен должен сразу убедиться, что я сделала хорошее приобретение.

— О, как вы добры, мэм! — воскликнула Эмма, которую просто оглушило свалившееся на нее счастье.— Лишь бы мистер Кен согласился с вашим планом!

Миссис Кен улыбнулась, сказала:

— Мой муж соглашается со всеми моими планами, милое дитя. И вообще, не надо этой преувеличенной благодарности. Поверьте, если бы вы не были красивы, я не пригласила бы вас.

* * *

Когда вечером этого дня Эмма разделась, она долго осматривала себя в маленьком зеркале мансарды, где было ее помещение в доме мистера Кена. Улыбка удовольствия скользнула по ее лицу.

Первый день в Лондоне! Первый шаг на новом пути к счастью!

Она тщательно уложила свое старое платье. Впоследствии, когда она станет важной леди, грубая крестьянская одежда станет явным свидетелем ее торжества.

Но когда она достала из кошелька, где хранилась вся ее наличность, бумажку, в которую была завернута монета, ее лицо стало мрачным, зубы скрипнули и глаза заметали молнии. С трудом она высверлила в серебряной монете дырку гвоздем и повесила монету на шнурке на шею. Это был шиллинг Джейн Мидлтон.

* * *

Однажды утром, когда Эмма сошла вниз открывать магазин, миссис Кен сказала ей:

— Знаете ли вы, милое дитя, что сегодня исполнился месяц вашей службы у нас?

Эмма попыталась улыбнуться и сказала:

— В самом деле, мэм? Я надеюсь, вы не раскаиваетесь в том, что наняли меня?

— Мы довольны вами, мисс Эмма. Вопрос только в том, довольны ли вы?

— О мэм, я так благодарна!..

— Тише, тише! Мне кажется, я понимаю, что происходит в этой хорошенькой своенравной головке! В первый день вам все казалось новым здесь, ну а потом вы стали замечать, что, в сущности говоря, здесь все одно и то же: одни и те же лица, одни и те же разговоры. И ваше юное сердечко почувствовало себя неудовлетворенным в магазине мистера Кена. Разве это не так, дитя мое?

Эмма посмотрела на миссис Кен свободным, открытым взглядом и ответила:

— Да, это так, мэм! Чем долее я здесь, тем больше я чувствую, как мало я знаю и как многому мне надо научиться. Простите, что я говорю без всяких обиняков, но я не умею лгать.

— Да янисколько не сержусь на вас, дитя мое, а, наоборот, радуюсь вашему стремлению к знаниям. Я верю в вас и убеждена, что вами руководит стремление к добру и красоте. Я охотно готова помочь вам. Да и пора вам хоть немного ознакомиться с Лондоном. Бывали ли вы когда-нибудь в театре?

— Никогда еще, мэм! Некоторые из моих соучениц у миссис Беркер не раз бывали в Честерском театре и рассказывали потом чудеса о нем, но я все же не получила твердого представления.

— Так вот, не хотите ли пойти со мной сегодня вечером в театр Друри-Лейн? Мистер Шеридан[5], директор театра,— приятель моего мужа и послал нам два места в ложу. Но мистер Кен занят сегодня. Будет представлена пьеса «Ромео и Джульетта» Шекспира. Вы знаете, кто такой был Шекспир? Величайший драматург не только Англии, но и всего мира. Эта пьеса — одно из самых мастерских его произведений. Мистер Гаррик[6] играет Ромео. Джульетту играет миссис Сиддонс, молодая артистка, которой пророчат величайшую будущность. Представление начинается в семь часов. Между прочим, будет лучше, если вы прочтете сначала эту пьесу. Я дам вам книгу. Засядьте за нее в вашей комнате. После обеда вы свободны.

Эмма с бьющимся сердцем взяла книгу и после обеда погрузилась в чтение бессмертной трагедии любви.

IV

Взвился занавес, и перед очарованными глазами Эммы открылся новый, неведомый мир... Италия!.. Верона!..

Кто этот юноша? Узнай сейчас же!
О, если он женат — тогда, клянусь,
Мне будет гроб моей постелью брачной!

Пламенная волна ринулась по жилам Эммы, когда Джульетта сказала эти слова, открывавшие ее любовь к Ромео. Невольно Эмма подумала о себе: если бы ей встретился Ромео, она тоже полюбила бы его, полюбила бы, как Джульетта: пламенно, без оглядки, до забвения собственного «я»...

Ромео!.. В голове Эммы скользнуло воспоминание о Томе. Нет, Том Кидд не был ее Ромео! Никто из знакомых мужчин не мог бы стать им.

Затаив дыхание, Эмма следила за развитием действия. В антрактах она сидела с сосредоточенным, замкнутым лицом, не обращая внимания на окружающих. Она ждала, чтобы представление началось снова. Для нее это было не представлением, а самой реальной, осязаемой действительностью. Все острые ощущения, которые переживала Джульетта, переживались и ею самой...

Спешу, спешу, Ромео! Ты ведь — день мой!..
Ты светишь мне и ночью... Я тебя
Узнаю и во мраке. Среди него
Покажешься ты мне белей и чище,
Чем снег на крыльях ворона. Приди же
С отрадным взглядом, ночь!.. Дай моего
Ромео мне!.. Когда же он умрет,
Возьми его и преврати в миллионы
Блестящих светлых звездочек. Пускай
Они собой покроют свод небес
И сделают его таким блестящим,
Что всякий полюбить захочет ночь,
Забыв сиянье солнца!

Пламенно впитывала в себя Эмма всю страстную тоску слов Джульетты. Сверкая глазами, прижав руки к вздымающейся груди, она переживала все блаженство обеих сцен у балкона. Как Джульетта, хотела бы она удержать любимого, чтобы продлить влюбленное щебетание, и в то же время хотела бы поскорее прогнать его из страха пред наступающим предателем-днем.